

УДК 008.2

Иван Дмитриевич Тузовский

Челябинская государственная академия культуры и искусств

**ФУТУРОЛОГИЯ И КАК ИДЕОЛОГИЯ: О НОВОМ ПОДХОДЕ
К ТИПОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГНОЗОВ**

Футурология в социально-гуманитарном знании представлена хаосом разрозненных концепций. Большинство исследователей считают, что систематизации они не поддаются. Если признать органическую связь между футурологией и идеологией, то появляется основание для построения типологии. В статье делается попытка построения идеолого-футурологической классификации футурологических концепций.

Ключевые слова: футурология, социальное прогнозирование, идеология.

Футурология и социальное прогнозирование отправляют почтенные функции предупреждения общества, обеспечения процессов управления, в целях «устойчивого» (этот эпитет можно заменить на любой иной, обладающий положительным эмоциональным окрасом) развития. По крайней мере, таково официальное оправдание существования довольно большого штата футурологов (прогнозистов, экспертов и пр.). Стоит отметить, что эта, «официальная», версия вызывает законное, но от этого не менее пафосное негодование «серьезных» ученых, поэтому футурологов называют футуристами (каковое слово относится, скорее, к конкретному направлению в художественном творчестве в первой трети XX столетия) и отказывают их изысканиям в научности, поэтому же и сами футурологи зачастую предпочитают называться «экспертами». Но уж «эксперты» обязательно принимают участие в коллективном отправлении функций управления с прогнозируемыми результатами.

Однако внимание автора привлек иной аспект футурологии, говорить о котором считается в обществе неприличным. Это аспект идеологический.

С одной стороны, само собой разумеется, что та или иная идеология, как «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений» [2], **влияет на** результат прогноза. Некоторые специалисты по прогнозированию именуют это «предпрогнозной ориентацией» [1] (что по сути означает поиск заранее заданных результатов). Джон Нейсбит же своей «футурологической идеологии» дал название «умонастроений», объясняя ими, почему он видит в будущем то, что видит, и чего не видят другие. «Умонастроения – это почва, на которую проливается дождь (информация), и растения, которые разбрасывают разную пыльцу по нашим умонастроениям, что приводит к разным выводам. Вот как мы получаем информацию. Вот где ключ. <...> Позднее я стал играть с задумкой книги об умонастроениях и о том, как они привели меня к получению картин будущего» [6. С. 14].

С другой стороны, идеология, «как система взглядов и идей, в которых <...> содержатся цели (программы) социальной деятельности...», сама по себе является футурологией. И верно будет и обратное – футурология как коллективный поиск образа будущего будет поставлять, *по меньшей мере, элементы* идеологических систем. Впрочем, этот вторичный статус футурологии как «служанки» идеологии можно оспорить, следуя, например за логикой Х. Ортеги-и-Гассета: «нация живет не традицией и не прошлым. Ошибочно полагать, что государство имеет семейный характер, родовые корни. Все ина-

че: нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить общую программу грядущего <...> Каких-то бледных отзвуков прошлого, бесспорно, мало для того, чтобы жить и не просто жить, а сосуществовать <...> В самом деле, в глубине национальной души ежедневно идет обязательное голосование, от которого зависит грядущее нации...» [7. С. 265, 282]. Конечно, такая идеолого-футурологическая позиция Ортеги-и-Гассета вторична по отношению к его антропологической концепции «фатально футуристичного человека» [8. С. 156], однако примечательно, что оппозиционный философ в эпоху «разгула» по Европе радикальных идеологий видит сущность национально-государственного строительства и – шире! – человеческого общежития именно в совместном проекте будущего. Джон Нейсбит, впрочем, возражает антропологической и социальной концепции Ортеги-и-Гассета, говоря о **современности**, что «мы из общества, управляемого сиюминутными соображениями и стимулами, превращаемся в общество, ориентированное на гораздо более долгосрочные перспективы» [5. С. 9]. Впрочем, если разграничить «соображения и стимулы», действительно обеспечивающие повседневное существование человека, и идеи, объединяющие множество людей на сколько-нибудь длительный период, то высказывание Нейсбита, привлеченное нами в качестве возражения Ортеге-и-Гассету, несущественно. Более того, «проникновение» будущего из сферы социальных идеалов в сферу повседневности, скорее, *доказывает* антропосоциотуристическую концепцию испанского философа.

Футурология идеологична также и потому, что формирует целый ряд современных утопий (в ряде случаев – с приставкой «анти», но, как ни парадоксально, это вопрос не принципиальный: отношение социальной концепции к утопии или антиутопии пластично, меняется со временем). Подчеркнем (анти)утопичность футурологии – не **достаточное** основание для уравнивания ее концепций с идеологиями, но **необходимое**. Достаточные же основания для такого отношения мы приводили выше.

Идеология, таким образом, следуя логике наших рассуждений, получается всего лишь риторическим оформлением имманентных футурологических исканий, свойственных всякому человеческому существу. Этим замкнутым кругом: «футурологические искания и создание образа будущего первого порядка → оформление идеологии как риторики об образе будущего → привлечение футурологии для создания привлекательного образа будущего второго порядка» – мы завершаем рассуждение о первом возможном соотношении этих понятий.

Теперь мы можем прочесть заголовок статьи следующим образом: футурология и идеология – уроборос причин и следствий взаимного появления. Можно возразить: весь длинный приведенный ряд рассуждений можно было опустить, ведь самоочевиден тезис о связи *науки* и *идеологии*, футурология же как раз и претендует на статус научного прогнозирования. Однако, во-первых, эта претензия не является неоспоримой, о чем мы говорили выше; во-вторых, футурология исполняет для идеологии несколько отличные от социальных наук функции. Она не обосновывает или иницирует идеологические положения, а задает образ будущего, который является ценностью сам по себе, ценностью эмоционально окрашенной (или аффективной [9; 10]).

Впрочем, из первоначального же утверждения и определения идеологии вытекает, что футурологическая концепция *может* стать идеологической. Но самое примечательное не это, а то, что все три позиции: 1) идеология («умонастроения») влияет на футурологические концепции (Дж. Нейсбит); 2) футурология участвует в формировании идеологии и является ее ценностным ядром (Х. Ортега-и-Гассет); 3) футурологическая концепция сама по себе является идеологической – не противоречат «официальной» роли футурологии как прогностического обеспечения функций социального управления.

Таким образом, мы можем перейти ко второй части исследования. До сих пор предлагалось классифицировать футуристические концепции по степени их научности, мето-

дам их получения и пр. Как только речь заходила о *содержании* самих научных футурологических концепций, исследовательские потенции многих маститых ученых охватывал паралич, который задавал видение *системы*, действительно имеющейся, как *хаоса*, классификации не поддающегося.

Если футурология идеологична, если ее результаты предзаданы идеологическими «умонастроениями» исследователя, если она сама «обслуживает» идеологию, поставляя политике образ будущего, на который человек масс будет реагировать эмоционально аффективно, то:

1) можно выстроить классификацию футурологических концепций, аналогичную классификации политических идеологий, течений и пр.;

2) этот подход позволяет вскрыть главный недостаток предшествующих классификаций, особенно – по критерию «научности методологии прогнозирования»: сколь угодно научные методы не обеспечивают научности результата, если цель исследования (как желаемый или искомый результат) подчинена идеологическим установкам.

Общепринятая классификация политических идеологий и движений основана на принципе «троичности»: полярные направления и некое промежуточное «умеренное» состояние между ними. Так, «левыми» принято называть радикально-реформистские, революционные течения, к которым относятся коммунисты, социалисты, анархисты и пр. «Правые» – традиционалисты, консерваторы и реакционеры. «Центр» – умеренные реформисты или консерваторы. Под этот теоретический принцип подстраиваются картины реально имеющих политических движений. Монархисты являются правыми в силу ярко выраженного консерватизма или традиционализма; фашисты – в силу реакционности соответствующей идеологии и пр.

Подобным же образом можно распределить футурологические концепции: 1) «левые» – те, что предполагают радикальное переустройство будущего общества, революционные изменения. При этом важно обращать внимание не на риторику автора футурологической концепции, а то, что за ней скрывается. Если будущее – «лучше, разнообразнее, предполагает большее экономическое благосостояние», то такая концепция не будет «левой», сколь ни патетична была бы риторика автора о «революционных изменениях». Поэтому такие концепции мы относим к 2) центристским или умеренным. Наконец, 3) – консервативные концепции будущего. Здесь скрывается некоторая алогичность («консервативность» – «будущего»), которая устраняется внимательным прочтением: консервативное отношение к будущему будет подразумевать не больше и не меньше, чем такие концепции, которые отвергают ценность социальных изменений, усматривают в их потоке катастрофическую опасность и пр. Яркий пример этому эволюция концепции Дж. Нейсбита от «мегатрендов» социальных изменений к концепции противоположения «высоких технологий» и «глубокой гуманности»: «Со временем Америка превратилась из комфортабельной технологически развитой страны в Зону, отравленную Технологией» [4]. Книга «Высокие технологии, глубокая гуманность...» – это «мегатренды»-наоборот: автор столь же произвольно (основываясь на собственных «умонастроениях») отбирает несколько социальных тенденций, вскрывающих негативные следствия технологического прогресса.

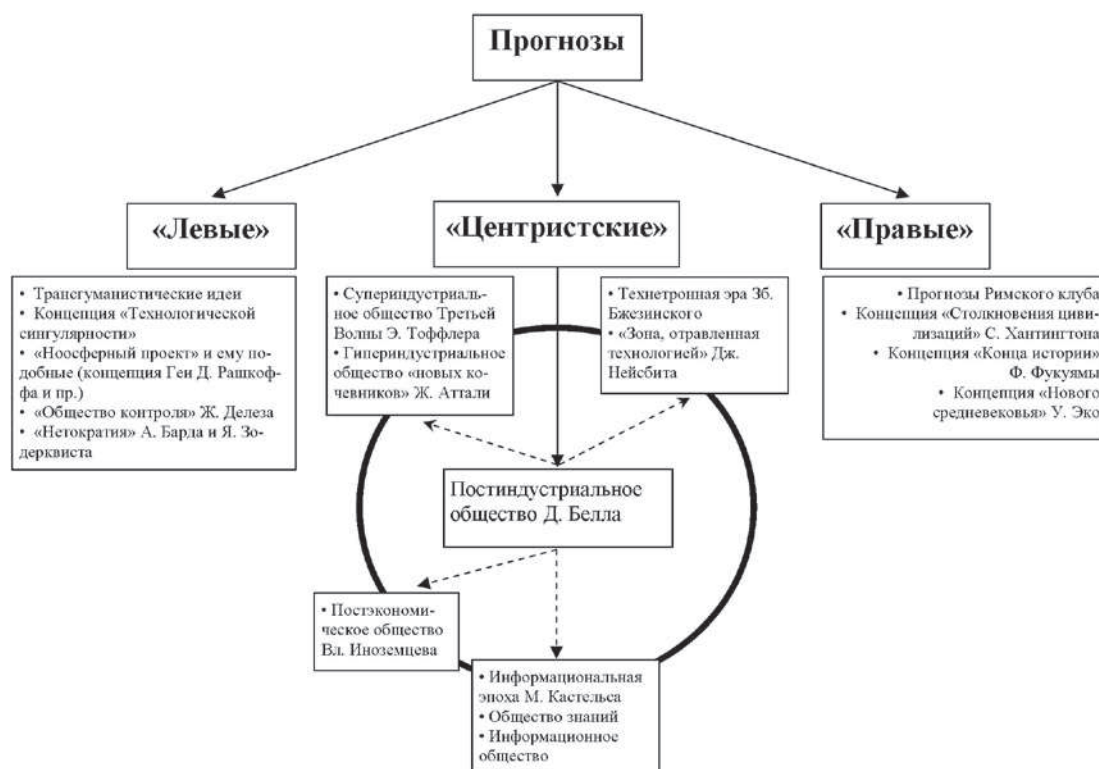
Представим результаты нашей попытки типологизации футурологических концепций по «идеологическим» основаниям в виде схемы (см. рис. 1 «Типология футурологических концепций на основании идеологического отношения к будущему»).

Естественно, данная схема не полна: она отражает только концепции, достаточно полным образом проработанные автором. В ряде случаев отношение авторов тех или иных концепций к «консервативным» или «радикальным» может быть оспорено. Для обработки группы центристских концепций автор использовал идею А. И. Молева о «центр-периферийном» отношении концепции «постиндустриального общества» Д. Белла и ряда последующих концепций, которые объединяются целым рядом факторов [3]. Например,

«префиксным» подходом к дополненности индустриального общества новыми формами (супер-, гипер-, транс- и т. д.), «пост»-подходом к определению современного состояния (постиндустриальное, посткапиталистическое, постэкономическое и т. д.), экономико-технологической детерминированностью и пр.

Однако, не взирая на свою неполноту, данная схема демонстрирует принципиальную возможность классификации футурологических концепций по идеологическим основаниям. Такая постановка вопроса самоценна, ведь, во-первых, футурология, социальное прогнозирование – компонент процесса управления (шире – развития) обществом. Во-вторых, и это, пожалуй, даже более важно: это позволяет поставить вопрос о появлении на политической арене «футурологических» субъектов. И «первые ласточки» этого явления наметились уже десять-двадцать лет назад, например, движение киберлибертарианцев. Будущее покажет не только «фиаско» прогностического компонента футурологии, но и идеологического.

Рис. 1. Типология футурологических концепций на основании идеологического отношения к будущему

Список литературы

1. Бестужев-Лада, И. В. Социальное прогнозирование [Текст] : курс лекций / И. В. Бестужев-Лада, Г. А. Наместникова ; Гуманитарно-прогност. акад. учеб. центр. – М. : Пед. об-во России, 2001. – 386, [3] с.
2. Идеология [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Идеология/>.
3. Молев, А. И. Социокультурные прогнозы развития западной цивилизации середины XX – начала XXI вв. [Текст] : дис. ... канд. филос. наук/ А. И. Молев. – М., 2007. – 199 с.
4. Нейсбит, Дж. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла [Текст] / Джон Нейсбит при участии Наны Нейсбит и Дугласа Филиппа ; пер. с англ. А. Н. Анваера. – М. : АСТ: Транзиткнига, 2005. – 381, [3] с.
5. Нейсбит, Дж. Мегатренды [Текст] / Дж. Нейсбит ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : ООО «Издательство АСТ» : ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380, [4] с.

6. Нейсбит, Дж. Старт! или Настраиваем ум! : Перестрой мышление и загляни в будущее [Текст] / Джон Нейсбит ; пер. с англ. А. Георгиева. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 286, [2] с.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Бесхребетная Испания // Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания [Текст] : [сб. : пер. с исп.] / Хосе Ортега-и-Гассет. – М. : АСТ: СТ МОСКВА, 2008. – 347, [5] с.
8. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Текст] // Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания : [сб. : пер. с исп.] / Хосе Ортега-и-Гассет. – М. : АСТ: СТ МОСКВА, 2008. – 347, [5] с.
9. Солопова, О. А. Врата грядущего: утопия или реальность [Текст] / О. А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 21. – С. 49–61.
10. Солопова, О. А. Образ будущего в политическом дискурсе [Электронный ресурс] / О. А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2006. – № 19. – <http://elibrary.ru/item.asp?id=11671172>.